

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

34
ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1879.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:
Н. Глазунова, въ С. П. Б. Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Я. А. Неакова, въ С. П. Б. Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цѣна 2 руб. 10 коп.

L Soc 3983.17 (34),
~~Stav 203~~

JAN 23 1884

Harvard Fund.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1879 года.

Непрерывный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

61-10-2

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

	СТРАН.
Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1878 годъ. Читанъ въ торжественномъ годичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1878 года. Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.	1— 24
Личный составъ Императорской Академіи Наукъ 1 января 1879 г.	25— 42
Контрольный барометръ. Г. Вильда. Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 10-го октября 1878 года.	43— 50
О Славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа. А. Н. Веселовскаго.	63— 70
О Проектѣ изученія и разбора грузинскихъ историческихъ грамотъ. М. И. Броссе. Читано 3-го октября 1878 г.	71— 79
О хвостахъ кометъ. Ѳ. Бредихина. Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 5 сентября 1878 г. (съ рисункомъ).	80— 83
О преміи фрейлины М. С. Мухановой за жизнеописаніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны.	84— 85
Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за декабрь 1878 года; январь, февраль, мартъ, апрѣль и май 1879 года:	
Общее Собраніе.	51—56 86—109
Физико-Математическое Отдѣленіе.	56—62 109—125
Отдѣленія Русскаго языка и Словесности.	125—128
Историко-Филологическое Отдѣленіе.	129—135
Правила о преміи академика горнаго инженера генералъ-лейтенанта Г. П. Гельмерсена. Утверждены Физико-Математическомъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ 10 апрѣля 1879 года.	135—137
Алфавитный указатель къ XXXIV-му тому Записокъ Академіи Наукъ.	139—147

Приложєнія:

СТРАН.

№ 1. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. К. Грота.	1—130
№ 2. Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши. По ркп. XV вѣка. Сообщено А. Н. Веселовскимъ.....	1— 47
№ 3. О параллелограммахъ, состоящихъ изъ трехъ элементовъ и симметрическихъ около одной оси. П. Чебышева. Читано въ засѣданіи Физ.-Мат. Отдѣленія, 5-го декабря 1878 года.	1— 16
№ 4. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго.	1—192

О СЛАВЯНСКИХЪ РЕДАКЦІЯХЪ ОДНОГО АПОЛОГА ВАРЛААМА И ЮАСАФА.

Академика А. Н. Веселовскаго.

Въ «Повѣсти къ Василию игумену о бѣлоризцѣ» Кирилль Туровскій своеобразно пересказалъ одинъ изъ апологовъ Варлаама и Юасафа. Изслѣдуя источники видоизмѣненій, которымъ подверглась, въ передачѣ Кирилла Туровскаго, древняя назидательная повѣсть, М. И. Сухомлиновъ ¹⁾ указалъ на цѣль, руководившую пересказчикомъ: показать значеніе монашеской жизни; сообразно съ нею надо было распространить аллегорическое толкованіе аполога, которое и мотивировалось измѣненіями въ его повѣствовательномъ содержаніи. Но откуда взялись эти отиѣны? М. И. Сухомлиновъ предполагаетъ, что онѣ могли произойти подъ вліяніемъ какого-либо разсказа восточнаго происхожденія. Предположеніе весьма вѣроятное, но поднимающее въ свою очередь вопросъ: гдѣ состоялся своеобразный пересказъ варлаамовой притчи, послужившей учительнымъ цѣлямъ Кирилла?

Одна возможность такого вопроса даетъ нѣкоторое значеніе особымъ пересказамъ другого варлаамова аполога, встрѣчающимся въ древнеславянской письменности. Сопоставленные вмѣ-

¹⁾ М. Сухомлиновъ, О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго. Спб. 1858, стр. 49—53.

стѣ однородные литературные факты освѣщаются взаимно, облегчая рѣшеніе.

Содержаніе аполога слѣдующее: ¹⁾

Подобни быти мною мужевн бѣгающую ѿ лица инорога, иже не терпа гласа его и страшнаго его прериканія, но крѣпко бѣ-гаше, да не будетъ ему въ снѣдъ. Внегда же течааше быстро, в великую нѣкую впаде пропасть. Внегда-же впастьса ему в ню, и за древо нѣкое похитивса, крѣпко держашеса и на россосѣ нѣ-коен нозѣ оутвердивъ, мнаше прочее в мирѣ быти и въ тверды-ни. Възрѣвъ оубо и видѣ двѣ мыши, бѣлоуоу бо едину, другую же черну, погрызающи-же непрестанно древа еже ѿнѣ баше похитилса; и елико оуже в малѣ приближающемаса има сие иско-ренити, посмотривже во дно пропасти и видѣ змя страшна ви-дѣньемъ и ѿгнемъ дышуща и яро извъѣр(г)ующаса, оустаже страшно разиноваше пожрети его градуца. Възрѣвже пакы на степень онѣ, на немже бѣаше нозѣ свои оутвердилъ, видѣ .д̄. главы аспидовы ѿтѣ стѣны изъникъша, на нейже стояше; и възрѣвъ ѿчима видѣ ѿтѣ вѣтви древа оного мало меда каплюща. Оста-вивъ оубо пещиса о одержащихъ его бѣдахъ, како вѣоуду оубо инорогъ лютѣ неистоваса ищетъ снѣсти его, долу же горкии змии зияетъ пожрети его, древо же за неже бѣ са оухитилъ елико же в малѣ искоренитиса хоташе, нозѣ же на полъсцѣ и невѣрнѣ степени оутвердилъ бѣаше: и толикихъ и та(ко)выхъ золъ забывъ оустремиса къ сласти малаго меду ѿнаго.—Се есть подобное прельсти мира сего прелщающихса, его же сказанье нынѣ реку ти. Инорогъ оубо ѿобразъ есть смерти гонаща оубо постигнути градуци адамескыи родѣ. Пропасть же — миръ исполнь сын всачьскихъ золъ и смертоносныхъ сѣтнн. Древо же [его же] ѿтѣ двою мышю непрестанно подгрызаемое, его же оухитивше держимса, время есть коегождо жизни, съкращаваемо и скончаваемо днемъ и ночью и къ посѣченью по малѣ прибли-жаетса. .д̄. же аспиды, иже ѿтѣ четыре прелестныхъ стихии

¹⁾ Я сообщаю его по рукописи Новгородской Софійской библіотеки, нынѣ СПб. Дух. Академіи № 1865, XIV в., л. 53 об. — 54 об.

сставъ, сставленье челоуѣчскаго телесе назнаменуеть, имже бесчинно носимомъ и матушимса телесное разрушается сставленье. И к симже огнеобразны онъ и неустовыи змии страшную проображаетъ адову оутробу, жадающую прияти мира сего красная паче будущихъ благъ извольшии. Медовная же капля сладость являетъ мира сего сладкихъ, ими же то прелщая своя други не оставляетъ ихъ ѿ своемъ пещиса спасенья.

Первый изъ слѣдующихъ далѣе пересказовъ этой притчи указанъ былъ г. Кирпичниковымъ ¹⁾ въ Толстовской рукописи № 214, XV вѣка, и приведенъ мною въ болѣе подробномъ извлеченіи въ статьѣ: Византійскія повѣсти и Варлаамъ и Юасафъ ²⁾. Здѣсь онъ предлагается по сборнику XV в. Кирилло-Бѣлозерской бібліотеки, нынѣ Спб. Дух. Академіи № ²²/₁₀₈₉. л. 107 аб. — Второй пересказъ того-же аполога заимствованъ изъ Сербско-славянской рецензіи Александрія.

1. Притча Варлаама ко Юасафоу.

Чѣкъ нѣкто хѳда на полѣ чѣтъ и видѣ йдоуща к себѣ люта звѣра и лва и не имѣ гдѣ скрытиса ѿ звѣра того. и потече по полю, и видѣ ровъ глѳубокъ, ѿнже спуистиса в ровъ тои. и бѣ в ровѣ то древа двѣ. едина сребрено листвіе имѣа. а друтое злато. и летѣвъ паде на сребренѣ древѣ, и оухватиса за вѣтвіе, и сѣде на немъ. и возрѣ горѣ, и видѣ люта лва, надо рвѳ стогаща. сѣдащю же ёмоу на дрѣвѣ томъ. и прилѣташе к немуу голоубица. приношаше ёмоу смокви въ оустѣхъ своиѣ. ѿнже приимаа гадаше, и плачаша горко. и прилѣташе к немуу вранъ, носа въ оустѣхъ своиѣ оушіе гораша. и жабы. и гшерица. и всакоу скверноу и меташе нанъ. ѿнже почюдиса велии. и позрѣ к коренію древоу томоу. и видѣ двѣ мышы грызоуща корень дрѣ (f. 107 b.) ва того едина бѣла, а друга черна. ѿнже видѣвъ гажо оуже нѣ ёмоу исхода ѿ рова того. но всего того не оубогаѣса

¹⁾ А. Кирпичниковъ, Греческіе романы въ новой литературѣ. — Повѣсть о Варлаамѣ и Юасафѣ. Харьковъ, 1876.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г. Июль, стр. 132—3.

и нача торгати сребренное древо. и класти в нѣдра своа. и помысли въ срѣци своѣмь. да бы еще палъ на златое древо. и абѣ паде, не оухватиса за него. и паде въ злыа ѡны скорпіа.

А' се истолковано стѣмь Павломь. люты звѣрь ёсть немощь и старость члѣча. а' левъ смѣрть. а' ровъ ёсть стѣтъ дѣвола. а' древо сребренное стажаніе и домъ баѣыхъ. а' мыши двѣ ёсть бѣлая днѣ. а' черная ноцъ; грызуще вѣкъ члѣчъ. а' горлица приносат смокви агтлѣ гнѣ приноса добраа помышленіа. а' вравъ приноса оугліе ёсть дѣволъ, разжигат срѣце члѣкомь на злато и сребро. и на вса зламъ дѣла. в томь погибають мнози члѣвци.

Сообщенная нами притча сама заявляетъ себя Варлаамовской; она, дѣйствительно, воспроизводитъ ея общія черты и основную символку, но съ отличіями, источники которыхъ любопытно было бы выяснить. Принадлежать-ли они христіанскому иносказанію, видоизмѣнившему очертаніа повѣсти въ цѣляхъ болѣе полного учительнаго примѣненія? Или-же нѣкоторыя изъ этихъ отличій слѣдуетъ возвести къ тѣмъ разнорѣчіямъ восточнаго аполога, однимъ изъ отраженій котораго является притча Варлаама?¹⁾ Въ пересказѣ Калилы и Димны (Knatchbull p. 80) инокъ Варлаама замѣненъ слономъ, у Іоанна Капуанскаго — львомъ²⁾, какъ и въ славянской статьѣ, замѣнившей образъ меда — символомъ голу-

¹⁾ Къ многочисленнымъ пересказамъ фабулы объ инокѣ я могу присоединить, благодаря любезному сообщенію акад. Шифнера, еще слѣдующій тибетскій (изъ тибет. соч. Po-to-ba: Ученіе посредствомъ примѣровъ): Въ южномъ Кхамъ есть высокій отвѣсный утесъ и глубокая пропасть; на утесѣ былъ медъ и росли плоды, въ пропасти — водоворотъ. На скалу взобрахся человекъ, цѣпляясь за пучекъ травы и утвердившись ногами на ворохѣ травы. Пока онъ съ удовольствіемъ поѣдалъ медъ и плоды, вышла бѣлая и черная мыши, и погрызая травы, удалились; оттого травы стало меньше, такъ что не на чемъ было держаться руками и ногами, и тотъ человекъ, не находя опоры, полетѣлъ въ бездну.

Утесъ — круговращеніе (жизни?), тѣло — опора, подобно вороху травы; пока человекъ вкушаетъ отъ меда наслажденій, день и ночь — бѣлая и черная мыши — уничтожаютъ ворохъ; когда онъ придетъ къ концу, вмѣстѣ съ жизнью, человекъ, при всемъ своемъ желаніи, не достигнетъ блаженства спасенія, а низвергнется въ круговоротъ перерожденій въ трехъ низшихъ сферахъ бытія.

²⁾ Benfey, *Pantschatantra* I p. 80.

бя, приносящаго смоквы. Противопоставленіе голубю — ворона принадлежит, вѣроятно, христіанской передѣлкѣ: они и толкуются, какъ ангель и дьяволъ; но образъ ворона, бросающаго горящіе угли, напоминаетъ рамку 3-й книги Панчатантры. Въ одной буддійской аваданѣ ¹⁾ рассказывается о человѣкѣ, который, убѣгая отъ слона, спасается въ высохшій колодезь; слѣдуютъ далѣе тѣже подробности, что и въ апологѣ Варлаама: дерево, подгрызаемое мышами, драконъ, пчелы, источающія въ уста бѣглеца пять капель меда; дерево заколыхалось, остатокъ меда упалъ на землю, пчелы принялись жалить человѣка, и внезапно появившійся огонь истребилъ дерево. Огонь толкуется, какъ старость и немощь. — Можетъ быть, угли, бросаемые ворономъ въ славянской притчѣ, обусловлены символикой какого-нибудь восточнаго аполога?

Дальнѣйшія измѣненія въ славянской притчѣ вызваны отчасти механически предъидущими. Такъ какъ символъ меда, которымъ увлекается человѣкъ, не смотря на окружающую его опасность, забытъ и замѣненъ другимъ символомъ (голубь — ангель и смоквы), специальное значеніе котораго не позволяло такого-же примѣненія, то увлеченіе человѣка перенесено на другой предметъ: на серебряное дерево, листья котораго онъ принимается обрывать. Слѣдующая за тѣмъ развязка лежала уже въ планѣ назидательной повѣсти: окруженный страхами смерти человѣкъ тѣмъ не менѣе отдается стяжанію и погибаетъ, стремясь къ большому.

2. Въ нѣкоторыхъ восточныхъ пересказахъ варлаамовскаго аполога ровъ, колодезь и т. п. забыты: Человѣкъ спасается отъ преслѣдованія дикаго звѣря, взлѣзая на дерево ²⁾. Такъ въ одномъ рассказѣ у Dubois: странникъ, заблудившійся ночью въ лѣсу, взбирается на дерево отъ страха дикихъ звѣрей и засыпаетъ. Проснувшись утромъ онъ видитъ внизу тигра, его сторожащаго,

¹⁾ Les Avadânas, contes et apologues indiens, trad. par Stanislas Julien I, № XXXII.

²⁾ Benfey. I. 80—2.

хочетъ перелѣзть на другое дерево, но замѣчаетъ надъ своей головою спящую змѣю, которую могъ разбудить малѣйшій шорохъ. Отъ ужаса онъ чуть не свалился, когда капли меда, сочившіяся съ верхнихъ вѣтвей, остановили его вниманіе; глотая ихъ онъ забылся.

Такого рода пересказъ аполога знакомъ былъ редактору славяно-сербской Александріи. Когда Александръ приблизился къ землѣ марсидонской царицы Клеопилы-Кандакин, сынъ ея, Кандавкъ, услышавъ о томъ, оставивъ свое царство, убѣжалъ съ женою своею и съ имѣніемъ къ матери. На пути на него нападаетъ силурскій царь Евагридъ, отнимаетъ у него жену и имѣніе, а Кандавкъ, спасшійся съ 100 конниками, взятъ въ плѣнъ стражами Александра. Александръ велитъ Антиоху занять его мѣсто на престолѣ и допросить Кандавка.

«Антиохже вопросы Кандовкоуса гл҃а. Ѡкоудоу бѣжа нѣѣ, в роуцѣ мои впаде. рѣ Кандовкоусъ, Ѡ страха твоѣго бѣжаѣ. к мѣтри моеи прѣди каѣнакѣи. мастри^ан(с)кы ѣвагрѣже силоу(р)ски прѣ воста на ма ѣ разби ма ѣ все мое имѣніе взе^а. ѣ жѣноу ѣ дщерь. ѣзже ѣдинъ оутеко^а на твои стражи набѣго^а, ѡни^а ма оухватиша. ѣ к тебѣ приведоша. на мнѣ сверши прѣтча нѣкоѣго злѣчасна чл҃ка. и^а Ѡ лва бѣгам на древо оутеко^а высоко. ѣ край дрѣва нозѣ свои оутверди^а Ѡ страха лвова ѡ себѣ печаливса, на верхъ дрѣва погладавъ, выше себе змѣа вѣлика видѣ. хотаща его поглотити. ѣ в недоумѣнии бы^а 1).

Въ славяно-сербскихъ текстахъ Александріи, напечатанныхъ Ягичемъ 2) и Новаковичемъ 3), прѣтча эта развита такимъ образомъ:

И на мнѣ съврши се дньсь злочестаго нѣконго чловѣка прѣтче, иже отъ лва бѣгам на нѣко дрѣво оутече, и край нзѣра

1) По ркп. Кир. Бѣл. нынѣ Спб. Дух. Академіи № 11/1011, XV в., л. 152 б.— 153 а.

2) Jagić, *Život Aleksandra Velikoga*, *Starine III* (1871) стр. 301.

3) Новакович, *Приповетка о Александру Великом*. У Београду 1878, стр. 112. Текстъ сообщается по изданію Новаковича.

этомше дрѣво оно, и на расохахъ дрѣва того оумѣсти се отъ страха львова обезпечавивъ се; на връхъ же дрѣва того погледавъ, змиѣ великааго оугледа къ нѣмоу лезешта, и въ недооумѣнникъ въпадъ, и въ ѳзеро скочите, хоте, коркодила змиюшта въ ѳзере томъ видѣ, и хотеше ѳго поглыноути, и въ недооумѣнникъ въпадъ, въсплакавъ се рече: злочестимъ вѣса злаа прилочаютьсе! И се рекъ въ ѳзеро скочи, рѣкъ: боіше ми кѣтъ отъ коркодила въ ѳдинъ часъ поглыноутоу быти, негли отъ лютаго льва горко изѣденоу бити. Такъ и мнѣ прилучисе, Алексѣндре. Отъ страха бо твоѳго бѣже, в ¹⁾ твоѳ роуки оудрихъ се.

Сличеніе этихъ двухъ текстовъ приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) подлинникъ текста Новаковича — Ягича могъ быть древнѣе Кирилло-Бѣлозерскаго. Сл. Кир. Бѣл.: Краи древа нозѣ свои оутвердив; Нов. Ягичъ: на расохахъ дрѣва того, сл. притчу объ инорогѣ въ Варлаамѣ и Юасафѣ Кирилло-Бѣлозерской ркп. (Спб. Дух. Ак. № 1365): на россоѣ нѣкоеи нозѣ оутвердивъ (См. Miclosich, Lex. расоха).—2) развитіе притчи у Новак.-Ягича принадлежитъ, быть можетъ, позднѣйшей рукѣ и содержаніе Кир.-Бѣлоз. рецензии древнѣе: она противопологаетъ опасность отъ змѣѣ опасности, грозящей отъ льва; третья (крокодилъ въ озерѣ) является совершенно лишнею; двойное употребленіе фразы: и въ недоумѣнникъ въпадъ не есть-ли указаніе на позднее приращеніе?

Наблюденіе надъ однимъ апологомъ не достаточно для опредѣленія отношеній, въ которыхъ находятся тексты славяно-сербской Александрии, изданные Ягичемъ и Новаковичемъ, къ Кир.-Бѣлоз. списку ¹¹/₁₀₈₈, одному изъ древнѣйшихъ, сохранившихъ эту редакцію памятника. Ягичу этотъ списокъ былъ извѣстенъ лишь по извлеченіямъ у А. Попова (Обзоръ хронографовъ русской редакціи, выпускъ первый, стр. 120—121); отрывки, приведенные въ книгѣ А. Попова, побудили къ заключенію, что они «s našimi rukopisi ne slažu, nego su u nas ručno na obširnije

¹⁾ Новаковичъ: отъ твоѳ роуки; Ягичъ: в руке твоѳе.

ртiрovedana» (Jagič I. с. р. 213). Новаковичъ (I. с. стр. IX—X) развиваетъ далѣе это указаніе Ягича: «По тѣм истиннѣмъ мѣстима судеѣи ја бѣх рекао, да ни ту није различна од ове редакција, већ да је овај текст у том рукопису скраћиван и прерађиван. По томе се види, колико би вредно било познати га». Такое зна-
комство было-бы желательно, еслибъ въ результатѣ его и оказа-
лось, что краткій текстъ не есть, по необходимости, сокращенный.

О ПРОЕКТЪ ИЗУЧЕНІЯ И РАЗБОРА ГРУЗИНСКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ГРАМОТЪ.

Академика М. И. Броссе.

(Читано 3-го октября 1878 года.)

Давно уже прошли тѣ времена, когда была въ ходу поговорка: «Счастливы народы, не имѣющіе исторіи». Въ настоящее время существуетъ множество обширныхъ сборниковъ актовъ, народныхъ лѣтописей, надгробныхъ и другихъ надписей и документовъ, даже относящихся до одной какой либо мѣстности, до одного какого-либо учрежденія; обнародованіе такихъ сборниковъ вызывается общественнымъ мнѣніемъ, поощряется и поддерживается правительствами; они ежегодно издаются въ Берлинѣ, Парижѣ, Туринѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ и Тифлисѣ. Этимъ всеобщимъ влеченіемъ управляетъ не пустое любопытство, но законное желаніе изучить въ прошедшемъ права и обязанности народовъ, дѣянія предковъ, ихъ несчастія и славу, съ тѣмъ, чтобы почерпать отсюда уроки для настоящаго и будущаго. При видѣ всего этого, становится понятнымъ, что дѣло идетъ тутъ о важныхъ, неотлагательныхъ интересахъ. Такимъ образомъ исторія нынѣ вступила въ рядъ не умозрительныхъ только, но и самыхъ практическихъ наукъ.

Если историкъ-прагматикъ, простой повѣствователь фактовъ, довольствуется изложеніемъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, то одною лишь вѣрностью своею разказа онъ доставляетъ историку философу средство открывать психологическую связь между причинами и слѣдствіями: первый достигаетъ безусловной точно-

сти, если онъ основывается на достовѣрныхъ источникахъ; второй, если онъ не увлекается духомъ партіи, открываетъ таму для нравственнаго поученія, поразительнаго по своей точности.

Очевидецъ или современникъ передаетъ то, что онъ слышалъ отъ дѣйствовавшихъ лицъ, и его обязанность честно исполнена, если онъ строго провѣрилъ слышанное. Къ этому разряду свидѣтелей прежде всего принадлежатъ подлинныя документы. Что же касается до свидѣтелей не очевидцевъ, принадлежащихъ болѣе позднему времени, то задача ихъ труднѣе, такъ какъ они должны сводить воедино всѣ извѣстныя показанія, перечислять и взвѣшивать ихъ, такъ что конечный результатъ ихъ работы зависитъ отъ ихъ нравственнаго чутья, отъ безпристрастія ихъ оцѣнки.

Отсюда проистекаетъ для позднѣйшихъ историковъ необходимость собирать какъ можно больше матеріаловъ, относящихся до описываемой ими эпохи, чтобы достигнуть возможной исторической правды.

Когда всѣ эти условія исполнены, можно сказать съ увѣренностью, безъ боязни быть опровергнутымъ, что историческіе документы — тѣ же дипломы народовъ на знаменитость и манна небесная для историковъ. Хронологію, администрацію, законодательство, налоги, вѣсы и мѣры, генеалогію, союзы государей, народныя обычая — все найдетъ въ подобныхъ документахъ тотъ, кто серьезно интересуется своимъ предметомъ и будетъ внимательно просматривать ихъ. Знаменитому Дюканжу удалось, при помощи разбора многихъ тысячъ документовъ, составить сокровище археологіи, снова изданное теперь въ семи томахъ in 4°, и извѣстное подъ заглавіемъ: *Glossarium mediae et infimae latinitatis*, — сокровище, изъ котораго мы почерпаемъ не истощимыя свѣдѣнія по наукѣ, отнынѣ доступной всякому. Посредствомъ синтеза, терпѣливый ученый могъ бы найти въ немъ матеріалы для возстановленія въ синоптическомъ порядкѣ состоянія Европы въ средніе вѣки. Я самъ, посредствомъ разбора нѣсколькихъ сотенъ документовъ — числа, увы! весьма ограниченнаго — имѣлъ

возможность хотя отчасти опредѣлить, съ доказательствами въ рукахъ, механизмъ устройства Грузіи въ его главнѣйшихъ основаніяхъ (см. Введеніе въ Исторію Грузіи).

Палеографія произошла непосредственно изъ разбора, часто весьма труднаго, документовъ, писанныхъ стариннымъ почеркомъ: монахи Бенедиктинскаго ордена и Нат. де Вайльи основали ее во Франціи, установили ея законы и примѣнили ее на пользу Западной Европы въ своихъ сочиненіяхъ: «Дипломатическіе документы» и «Искусство повѣрять числа». Россія, съ своей стороны, можетъ съ гордостью назвать имена Строева, Срезневскаго и Горбачевскаго, трудившихся на томъ же поприщѣ. Н. В. Калачовъ можетъ считаться представителемъ и истолкователемъ этой науки. Черезъ основаніе Археологическаго Института, онъ надѣлилъ свое отечество такимъ же, какъ французская Ecole des chartes, учрежденіемъ для изученія русскихъ лѣтописей. Это заведеніе устроено въ видѣ опыта на четыре года, но мы всѣ желаемъ ему дальнѣйшаго существованія и смѣемъ надѣяться, что оно образуетъ множество достойныхъ ученыхъ. Извѣстно, что учрежденіе это открылось 18 января настоящаго года, при стеченіи многочисленной и избранной публики. Самъ ученый историкъ, г. Калачовъ, понимаетъ вполне всю важность документовъ, такъ какъ онъ былъ ихъ усерднымъ чтецомъ, официальнымъ хранителемъ и опытнымъ цѣнителемъ. Предпринимаемымъ изданіемъ палеографическаго сборника Институтъ долженъ принести такіе же плоды, какъ и его старѣйшіе собратья въ Западной Европѣ.

Но оставимъ эти общіе взгляды; благородная любознательность находитъ себѣ достаточный просторъ въ разныхъ комісіяхъ и обществахъ, и въ сборникахъ документовъ, касающихся Россіи, особенно начиная съ XVII вѣка; главный изъ такихъ сборниковъ, доведенный уже до 28 тома, издается Историческимъ Обществомъ, состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича.

Въ Закавказскомъ краѣ, гдѣ все было, такъ сказать, новин-

кою для русскихъ, правительство возымѣло намѣреніе ознакомиться съ прошедшимъ положеніемъ дѣлъ въ Карталиннѣ, Кахетинѣ, такъ называемой Турецкой Грузіи, Арменіи, Персіи и Дагестанѣ. Поэтому неудивительно, что въ Тифлисѣ образовалось Общество любителей Кавказскихъ древностей; еще передъ тѣмъ Его Императорское Высочество Великій Князь Намѣстникъ, не довольствуясь распоряженіемъ своимъ о собираніи всевозможныхъ матеріаловъ для исторіи войны, продолжавшейся болѣе шестидесяти лѣтъ на обоихъ флангахъ Кавказской линіи, изволилъ разрѣшить и поддержать изданіе многихъ тысячъ гражданскихъ актовъ, хранящихся въ Тифлискомъ архивѣ. Это великолѣпное изданіе, выходящее въ свѣтъ подъ дѣятельною редакціею А. П. Берже, достигло уже до 7-го тома, въ восьми фоліантахъ; для должностныхъ лицъ Кавказа оно служитъ источникомъ, изъ котораго они почерпаютъ обильныя свѣдѣнія, связывающія настоящее этого края съ его минувшимъ.

Хотя, къ несчастію, въ этомъ изданіи встрѣчается лишь весьма ограниченное количество документовъ, касающихся Грузіи до ея присоединенія къ Россіи, однако и то небольшое, что было помѣщено по этой части въ 1-мъ томѣ Актовъ Кавказской Археологической Комисіи, имѣетъ высокую цѣнность для исторіи и послужило мнѣ для исправленія нѣкоторыхъ данныхъ, приводимыхъ историкомъ Вахуштомъ.

Большая, такъ называемая Вахтангова хроника очевидно недостаточна для изученія временъ, предшествовавшихъ учрежденію Грузинскаго царства; что же касается до слѣдовавшихъ затѣмъ временъ, то за исключеніемъ весьма не многихъ заключающихся въ ней вѣрныхъ синхронизмовъ начала христіанской эры, эта лѣтопись не въ состояніи удовлетворить изслѣдователей, ищущихъ исторической точности, и можетъ быть принимаема во вниманіе только условно, до тѣхъ поръ, пока не будутъ доказаны ея неясности и недостаточность. Въ ней нѣтъ ни хронологіи, кромѣ той, которая выведена *à posteriori*, ни указаній на источники, посредствомъ которыхъ читатель могъ бы повѣрить сви-

дѣтельства лѣтописца. Ранѣе третьяго вѣка до Р. Х. она сообщаетъ лишь скудныя и неясныя извѣстія о происхожденіи и организаціи грузинскаго народа, который она изображаетъ сборищемъ разноплеменныхъ пришельцевъ, нашедшихъ убѣжище въ прелестныхъ долинахъ Куры и ея многочисленныхъ притоковъ, и не сообщаетъ точныхъ подробностей объ основаніи Грузинскаго царства и объ одновременныхъ царствахъ, Мцхетскомъ и Армазскомъ.

Правда, она съ точностью упоминаетъ о римскомъ вторженіи при царѣ Адеркѣ-артокосѣ; но единственное достовѣрное свидѣтельство о римскомъ владычествѣ въ этой странѣ, которое мы имѣемъ, это — греческая армазская надпись, открытая въ 1867 г. и относящаяся къ седьмому году царствованія императора Веспасіана, т. е. къ 76 г. по Р. Х. Можно надѣяться, что со временемъ откроются другіе, подобные памятники. Объ исторіи и дѣяніяхъ св. Нины, проповѣдывавшей христіанство въ Иверію около 318 г., свидѣлствуютъ церковные историки Евсевій, Руфимъ и другіе, въ томъ числѣ Моисей Хоренскій. Изобрѣтеніе одного изъ грузинскихъ алфавитовъ въ V столѣтіи подтверждается также синхронизмами житій св. Месроба и царя Арчила = Арчила I.

Въ отношеніи хронологіи въ собственномъ смыслѣ слова, лѣтописецъ ограничивается тѣмъ, что отъ времени до времени сообщаетъ, что отъ такого-то происшествія до такого-то протекло столько-то годовъ. Хотя я и успѣлъ доказать, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ хронологическое счисленіе ведется по указаніямъ Евсевія, однако слѣды этого счисленія являются не во всѣхъ экземплярахъ хроники, которыми я имѣлъ возможность пользоваться. Точно также, съ начала XIII пасхальнаго круга, падающаго на 781 г. по Р. Х. мы уже находимъ порядочное число хронологическихъ данныхъ, идущихъ до начала XI вѣка, а именно указывающихъ на время воцаренія и смерти Таоскихъ князей Багратидовъ, изъ которыхъ многіе упоминаются въ седьмой главѣ книги Константина Багрянороднаго «De ceremoniis

aulae byzantinae. Эти числа очень вѣрны и выражены въ годахъ XIII-го грузинскаго пасхальнаго круга.

Считаю излишнимъ повторять здѣсь то, что уже было сказано въ другомъ мѣстѣ о монетѣ Давида Куропалата, жившаго въ концѣ X вѣка, объ Евангеліяхъ Држдудскаго и Шіо-Мгвимскаго монастырей, о прекрасныхъ гелатскихъ рукописяхъ, о надписяхъ Верейской, Цвимоетской и Кутаисской церквей, въ которыхъ даты начертаны арабскими цифрами и относящихся къ первымъ годамъ XI столѣтія, и наконецъ о надписяхъ, собранныхъ тридцать лѣтъ тому назадъ О. Нерсесомъ Саргисіанцемъ въ Турецкой Грузіи.

Что касается до основанія церквей и монастырей и до происхожденія дворянскихъ фамилій, то по этой части существуетъ значительное число актовъ, начиная съ принадлежащихъ XI столѣтію; сравнительно малая ихъ часть была разобрана до сего времени, между тѣмъ какъ многіе изъ содержащихъ въ нихъ фактовъ могли бы войти въ общую исторію страны. Такимъ образомъ, для пополненія пробѣловъ грузинской исторіографіи, надо прибѣгнуть къ гуджарамъ и сигелямъ, т. е. къ церковнымъ и гражданскимъ документамъ, и помощью ихъ разбора добиться до несомнѣнно вѣрныхъ фактовъ и достигнуть ученаго синтезиса. По отношенію къ царскимъ генеалогіямъ и бракамъ, четвертое донесеніе о моемъ путешествіи содержитъ въ себѣ много новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ грамотъ. Д. Бакрадзе, посредствомъ разбора мѣстныхъ документовъ, успѣлъ почти окончательно опредѣлить послѣдовательность гурійскихъ владѣтелей, ихъ брачные союзы и роды, происшедшіе отъ ихъ сыновей.

За тѣмъ, во всѣхъ частяхъ Грузіи, Мингреліи и Ахалцыхской области находятся въ неопредѣленномъ количествѣ иконы и священные сосуды, помѣченные числами пасхальнаго круга и снабженные именами жертвователей. Они составляютъ источникъ, можно сказать, неисчерпаемый; вмѣстѣ съ надписями на храмахъ, на могильныхъ памятникахъ и пр., они пополняютъ собою число пособій, необходимыхъ для историка.

Въ подтвержденіе тому, г. Бакрадзе приводитъ, что въ ризницѣ Илорійской церкви, въ Мингрелии, онъ неожиданно нашелъ золотую чашу, по ветхости своей исключенную изъ употребленія. На ней значится, что она была пожертвована Бедійской церкви, въ Абхазіи, царемъ Багратомъ III и матерью его Гуродуктою, и хотя года на ней не означено, но несомнѣнно, что это случилось между 995 и 1014 гг. Г. Бакрадзе присовокупляетъ, что въ разныхъ грузинскихъ соборахъ находится множество подобныхъ предметовъ. По заявленію объ этомъ высокопреосвященному Евсевию, Экзарху Грузіи, архипастырь съ видимою благосклонностью принялъ выраженное нашимъ любителемъ древностей желаніе, что бы всѣ такіе предметы были тщательно собраны и хранимы въ какомъ либо извѣстномъ мѣстѣ, на примѣръ въ Музеѣ Общества любителей Кавказскихъ древностей, по примѣру того, какъ въ Петербургѣ музей христіанскихъ древностей, основанный при Императорской Академіи Художествъ кн. Г. Г. Гагариннымъ, служить хранилищемъ вышедшихъ изъ употребленія старинныхъ предметовъ. (См. Д. Бакрадзе, О доисторической археологіи вообще и Кавказской въ особенности, въ газетѣ «Кавказъ», за 1877 г.)

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, я сообщу теперь извлеченія изъ доставленныхъ мнѣ указаній относительно того, гдѣ и въ какомъ числѣ находятся грузинскіе документы, къ разбору которыхъ слѣдовало бы приступить.

Основная мысль о важности изученія грузинскихъ грамотъ выражена и развита г-мъ Бакрадзе въ XXII томѣ Записокъ Академіи Наукъ, стр. 189—200, и затѣмъ повторена въ разныхъ письмахъ, въ которыхъ онъ изъявляетъ свою готовность взяться за разборъ и вести его слѣдующимъ образомъ: онъ предполагаетъ выписывать имя государя и вообще власти, подписавшей грамоту, имя получившаго этотъ документъ, съ краткимъ изложеніемъ повода и обстоятельствъ, при которыхъ данное лицо, монастырь или церковь получили жалованную грамоту; затѣмъ — имена секретаря и свидѣтелей, присутствовав-

шихъ при совершеніи акта, и наконецъ число и годъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ они означены въ оригиналѣ — словомъ все существенное въ разбираемой грамотѣ.

Мнѣ извѣстно впрочемъ, что число гуджаровъ, хранившихся въ Тифлисской синодальной конторѣ и нынѣ перевезенныхъ въ архивъ государственныхъ имуществъ, простиралось въ 1848 г. до трехъ тысячъ. Сверхъ того, въ Комитетѣ Тифлискаго дворянскаго собранія находится до 83 фоліантовъ, содержащихъ въ себѣ по сту и болѣе листовъ грамотъ на дворянство, снабженныхъ копіями, проверенными во время генераль-губернаторства Ермолова, итого, 8,300 грамотъ.

Въ Кутаисской губерніи, гуджары и дворянскіе сгигели имеретинскіе, мингрельскіе и гурійскіе составляютъ, по свидѣтельству послѣдняго путешественника въ этотъ край, г. Цагарели, громадную массу, въ 379 томовъ, или 54,554 грамотъ, проверенныхъ въ 1820 г. и хранящихся какъ въ архивѣ государственныхъ имуществъ, такъ и въ комитетѣ дворянскаго собранія. (См. Журн. Мин. Нар. Пр. за 1877 г.).

Основываясь только на Тифлисскихъ статистическихъ данныхъ, я не могу судить, до какой степени вѣрны и точны эти свѣдѣнія; но нельзя не допустить въ нихъ нѣкотораго правдоподобія, если принять въ соображеніе, что по официальнымъ спискамъ, изданнымъ 6 декабря 1850 г., число княжескихъ и дворянскихъ фамилій доходило въ Грузіи, Карталиніи и Кахетіи до 1273, въ Имеретіи до 1729, въ Гуріи до 260, всего же до 3262.

Слѣдовательно можно полагать, что на каждую нынѣ признанную аристократическую фамилію Грузіи приходится по нѣскольку грамотъ, установлявшихъ или подтверждавшихъ права то цѣлой фамиліи, то отдѣльныхъ ея членовъ.

Само собою разумѣется, что на критическій разборъ 60,000 грамотъ не хватило бы жизни одного человѣка, если онъ не посвятитъ себя исключительно этому труду; да и на самомъ дѣлѣ ни отъ кого не требуется исполненія такого предпріятія; но если проектъ,

представленный на усмотрѣніе Академіи, будетъ принять благо-склонно, то во первыхъ, надо безотлагательно приступить къ дѣлу: безъ того, напримѣръ, Болландистское собраніе Acta sanctorum не достигло бы въ 241 годъ шестидесяти томовъ, ни Scriptores regum германагум двадцати томовъ и т. п. Затѣмъ должно начать съ Тифлисскихъ сигелей, самыхъ доступныхъ и которыми можно пользоваться почти не выходя изъ кабинета, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ любопытныхъ для интимной гражданской исторіи. На разборъ девяти или десяти тысячъ дипломовъ потребуется не очень много лѣтъ.

По сообщенію нашего товарища А. О. Бычкова, въ Археографической Коммисіи накопилось уже до трехъ тысячъ русскихъ и польскихъ грамотъ, которыя, будучи изданы, сдѣлались важнымъ матеріаломъ для русской исторіи. Того же самаго ожидаютъ грамоты Закавказья, которое составляетъ небольшую, но тѣмъ не менѣе любопытную часть Русской Имперіи.

